

ми и пристуками, как голос читающего Хайдеггера... Такому стилю мыслить подражает машина, причем машина сломанная, не производящая ничего, кроме бесполезных шумов и движений. Смеяться над философами принято. И этот фильм невольно пользуется теми же смеховыми приемами, что Диоген Лаэртский в своих «Жизнеописаниях». Попытка противопоставить реальный образ недоступному, самой практике мысли всегда оказывалась максимально эффективной и убедительной. В фильме о ЖД, этот прием противопоставления слишком заметен, поэтому некоторая случайность его движений в кадре, мне кажется, была predetermined уже на этапе замысла фильма. Как только масс-медиа спрашивают философа, он сразу же отвечает, но отвечает не то, не так, ведь к нему не прислушиваются, от него требуют, чтобы он стал на время таким, какой его образ к тому моменту смогли сформировать масс-медиа. Если ЖД, мыслит против имени собственного, подписи, структур самоидентичности «я», мыслит в пользу косвенного и блуждающего, уходящего в сторону, того, что запутывается в своих множественных началах, то настоящий фильм-биография или масс-медийная воля к обобщению формует из него образ Философа (наделяет именем, требует подписи, освидетельствует речь и напрочь отрицает говорение к истине, саму философию). ЖД, в образе масс-медийного философа, но видно, что сам он слепой: когда он мыслит, он не видит, мысль не нуждается в образах как окончательных формах визуализации (масс-медийной) мысли. И на каждом шагу этот разрыв утверждается все глубже, обнаруживая несводимость рядов репрезентации образа мысли, *re-présentation* и самой мысли, обращающей образ в ничто, а мыслящего в слепого.

Михаил Рыклин

Пятнадцать лет спустя. Заметки о Жаке Деррида

Хотя ко времени первого приезда Жака Деррида в Москву ни одна его книга не была опубликована на русском языке, его имя вызывало огромный интерес, на его лекции собирались сотни людей (многие приезжали из других городов). Слава парадоксальным образом обгоняла тексты человека, который утверждал, что вне текста ничего нет. Если слово «легендарный» что-то значит применительно к философу, занимавшемуся деконструкцией лого- и фоноцентризма, для многих советских интеллектуалов оно ассоциировалось с именем Деррида.

Визиту Деррида в Москву в конце февраля – начале марта 1990 года предшествовало, за два месяца до этого, посещение Института философии его близким другом Жан-Люком Нанси. Эта поездка подготовила приезд Деррида, который, приземлившись в Москве, знал (не только от Нанси, но и от американского философа Сюзан Бак-Морс) о существовании нашей Лаборатории постклассических исследований, о значительном интересе к его текстам и о желании совместной работы.

Поселить его удалось в нынешнем «Президент-отеле», который в то время находился в ведении ЦК КПСС (произошло это, если мне не изменяет память, благодаря содействию философа

Ивана Фролова, бывшего тогда секретарем ЦК КПСС). Чтобы проникнуть в это здание, надо было преодолеть три пропускных пункта, на каждом из которых требовалось предъявить паспорт, служебное удостоверение и еще какую-то справку. Зато внутри царило нечто похожее на коммунизм. Пища в громадных пустых ресторанах подавалась рослыми официантами, как будто облеченными некой тайной миссией, у которых простое желание расплатиться вызывало неподдельное удивление. После некоторого замешательства, посоветовавшись с начальством, один такой официант принес счет на неправдоподобно мизерную сумму. Думаю, эта атмосфера не могла не удивлять Деррида, хотя не помню, чтобы он ее как-то комментировал.

Его просторный номер был обставлен массивной казенной мебелью, и там был – вещь редкая по тем временам – цветной телевизор, по которому он смотрел передачу, посвященную годовщине смерти Сталина. К тому времени приехала в Москву его жена Маргарита, которая хорошо знала русский язык и, видимо, помогала ему с переводом. Деррида привез с собой настоящий клад: все написанные им книги, которые он подарил нашему Институту; в тогдашней закрытой стране эта огромная пачка книг смотрелась чудом (как минимум половины из них не было в московских библиотеках).

«Президент-отель» памятен мне и еще по одной причине; там Деррида предложил мне приехать в Париж и работать в его семинаре. Тогда я не понимал, какую роль эта работа сыграет в моей интеллектуальной биографии. Деррида был вторым, после Мераба Мамардашвили, великим преподавателем философии, которого мне посчастливилось встретить в жизни. Его книги были частью более обширного дидактического проекта, открытой системы обучения философии. Систематически посещая в 1991-92 гг. его семинары на бульваре Распай и имея возможность обсуждать с ним некоторые из тем, которые его тогда занимали, я постепенно ощутил в своей работе влияние этой мощной мыслительной фигуры. Не думаю, что, не обладая сверхъестественной интуицией, все это можно было бы почерпнуть непосредственно из его книг.

Деррида связывал со своей первой поездкой в Москву нечто большее, чем популяризацию идей деконструкции. Начало 1990 года было временем «бархатных революций», распадающихся иерархий и больших надежд. Москва как место утопии, как конечный пункт паломничеств многих «очарованных странников» из числа представителей европейской элиты давно привлекала его внимание как идеальный предмет деконструкции. С объявлением перестройки и гласности соответствующие условия вызрели, как казалось тогда, и изнутри СССР. В начале 1990 года в Москве в первый (и единственный) раз встретились перестройка и деконструкция.

Деррида много раз приглашали в СССР и до того, но он неизменно отказывался, полагая, видимо, что в этой стране не было условий и предпосылок для свободного, не связанного внешними запретами мышления. Он не знал русского языка и, в отличие от Бенямина, не пытался его учить, но наличие запретов бросалось в глаза и при чтении большого числа авторитетных европейских, не в последнюю очередь французских текстов. «Возвращение из СССР» Андре Жида произвело на него сильное впечатление еще в ранней юности; под его влиянием он разочаровался в социалистическом эксперименте. К началу 1990 года табу, связанные с этим корпусом текстов, ослабли настолько, что появилась возможность задать их авторам длинный ряд неудобных (а в недавнем прошлом просто неприличных) вопросов, составляющих существо стратегии деконструкции. И он воспользовался этой возможностью в полной мере.

В свой первый приезд в Москву Деррида был полон любопытства: интересовался тем, как работают университеты и почему они так отдалены от Академии наук, каково отношение к сталинскому наследию, как выглядят перспективы горбачевской перестройки и т.д. За столиками в ресторане «Президент-отеля» Валерий Подорога, Лена Петровская и я обсуждали эти и многие другие темы; затрагивались они и в беседе с французским философом, записанной в квартире Петровских на Малом Козихинском переулке, в которой принимала участие Наталья Автономова.

В Московском метро на Деррида произвели впечатление тридцать шесть овальных медальонов Александра Дейнеки под названием «Сутки советского неба»; остальные произведения искусства не вызвали у него интереса.

Под впечатлением своей первой поездки в Москву он, как потом выяснилось, написал эссе «Back from Moscow, in the USSR» (английское название не случайно; почти все общение философа в Москве осуществлялось на этом языке); тогда же, как мне кажется, у него зародилась идея написания одной из его наиболее известных книг, «Призраки Маркса». «Back from Moscow» был и остается самым большим подарком, который знаменитый философ сделал нашей философии; и сейчас его возможности исчерпаны далеко не полностью. Главный вопрос, который он задал себе в этом тексте, можно передать примерно так: почему после десятидневной поездки в Москву, столицу СССР, а в недавнем прошлом и мировой революции, я не могу, по примеру сотен моих предшественников и современников, написать очередной вариант «возвращения из СССР»? Что мешает мне просто рассказать о своих впечатлениях, создать интересную нарратацию?

Я не могу сделать этого потому – гласил ответ Деррида, – что «возвращения из СССР» составляют религиозно-профетический жанр, связанный с уникальным событием в мировой истории, с Великой Октябрьской революцией. Повествования о паломничествах в «святую землю большевизма», хотя их авторы, как правило, стараются не акцентировать свою приверженность к трансцендентному, сравнимы разве что с путешествиями в Иерусалим или Мекку и не имеют аналогов в светской литературе XX века. Вместо того чтобы прибавить к этому почтенному архиву еще одно повествование о «возвращении из СССР», Деррида решил проанализировать, сквозь призму своего путешествия, ключевые тексты этой традиции, принадлежащие перу Вальтера Бенямина, Андре Жида и Рене Этьембля. В своем анализе он сделал акцент на религиозной стороне упований этих авторов, неотделимых от события Октября, вызвав-

шего у левой европейской интеллигенции полномасштабную веру в трансцендентное без Бога.

Но тогда, в феврале – марте 1990 года, никто еще не знал, что Жак Деррида напишет этот текст, что это путешествие войдет таким образом в историю европейской мысли. Не знали мы и того, что нашей Родине, СССР, осталось жить менее двух лет, что страна эта уже обречена и кто-то из политических астрологов уже поставил ей, как выяснилось позже, смертельный диагноз.

Приехав в Париж, я, чтобы облегчить себе задачу общения, пользовался клишированными фразами, почерпнутыми из самоучителей французского языка. На лице Деррида всякий раз выражалось такое чувство неудобства за эти выражения, что я быстро понял: лучше говорить менее правильно, но эти клише надо исключить из своего словаря. Это был не его французский язык. Это была Франция, которую он презирал.

Один раз он пригласил меня в ресторан со своей семьей. На вопрос официанта, что мы собираемся пить, он ответил: «Выберите что-нибудь на ваш вкус. Мы – люди непьющие и вам доверяем». Надо было видеть удивленное лицо официанта, привыкшего к тому, что ритуал выбора вина является едва ли не центральным эпизодом посещения заведения (спрашивают о годе, местности, в которой выращивают виноград, затем тщательно дегустируют и лишь потом разливают по бокалам). На какой-то момент официант растерялся и не знал, как реагировать: ведь его попросили не рекомендовать вино (это было бы как раз обычной практикой), а выбрать вино за нас, то есть акт выбора радикально десакрализован.

И это был не единственный местный ритуал, который он отвергал. Ему, например, нравилось смотреть телевизор, что отнюдь не типично для парижской элиты.

Чтобы объяснить, почему Жак Деррида так и не получил во Франции кафедру философии, так и не стал профессором, надо принять во внимание бескомпромиссность, с какой он относился ко многим незаметным, но существенным сторонам

французской культуры, в том числе и интеллектуальной. При этом, повторяю, он был до мозга костей университетским преподавателем; именно это призвание побуждало его наиболее последовательно критиковать эти институты изнутри. Всю свою жизнь он работал ради того, что можно назвать Университетом будущего, и поэтому Университет настоящего – во всяком случае его французская разновидность – его отторгал и испытывал по отношению к нему неизменный *ressentiment*. Деррида хотел не просто писать книги, а учить философии. Для философов-писателей, каковых большинство, непризнание со стороны университетской среды, ставящей иную задачу, является по-своему логичным и не вызывает недоумения, не говоря уже о более сильных чувствах. В случае Деррида такое отношение выглядит совершенно иначе.

Есть у этого неприятия и другая сторона. Возможно, именно сопротивление среды способствовало тому, что основатель деконструкции так невообразимо много сделал для дела философии. Сопротивление этому сопротивлению на десятилетия стало смыслом жизни этого необычайно упорного человека. Уже при жизни его проект пробил себе путь в университетские структуры; деконструктивистская парадигма оказала влияние на самые разные области знания – от юриспруденции, искусствознания и психологии до кино, дизайна и архитектуры.

Люди, давно знавшие Деррида, рассказывали, что после пятидесяти лет он похудел и стал выглядеть привлекательнее, чем в молодости. Ему удивительно шла седина, в свои шестьдесят лет он напоминал более фотогеничную версию актера Питера Фалька (знаменитого лейтенанта Коломбо). Я не сразу понял, как важно было ему идеально смотреться при любых обстоятельствах. Возвращаясь из утомительных поездок, во время которых он ежедневно читал лекции и проводил семинары в нескольких странах, при встрече он жаловался на усталость. Когда я в тон ему говорил, что ему действительно неплохо было бы немного отдохнуть, он неизменно мрачнел. Однажды, после семинара, который состоялся по приезде из очередного лекци-

онного тура, я подошел к нему, чтобы договориться о следующей встрече. Он сказал, что устал, и я, без всякой задней мысли, заметил, что ему неплохо бы пару дней отдохнуть. Рядом стояла давняя подруга Маргариты, и он, повернувшись к ней, спросил: «Жизель, а что, я сегодня действительно неважно выгляжу?». Та, улыбаясь, ответила: «Жак, ты выглядишь просто потрясающе!» Только тут меня осенило, что не следовало принимать его сетования по поводу усталости за чистую монету, что он ожидал от меня такого же разуверения в своих словах, как и от Жизели.

Короче, даже такому великому философу, как Деррида, были не чужды человеческие слабости.

Во второй раз Жак и Маргарита приезжали в Москву и Петербург в 1994 году. Контекст этого визита был совершенно иным. Ожидания четырехлетней давности растаяли; как-то Деррида сказал, что, кажется, преобразования здесь в очередной раз не удались (он был под впечатлением событий осени 1993 года, особенно расстрела из танков Белого дома). Каждый день в течение двух недель он – сначала в Москве, а потом в Петербурге – читал лекцию и проводил семинар. В конце его пребывания мы с несколькими друзьями пошли в мастерскую художника Африки на Фонтанке, и там поклонники его творчества хотели задать ему еще несколько вопросов; но он сказал, что слишком устал, чтобы вести формальную беседу. На моей памяти это был единственный случай такого рода отказа.

Он был самым работоспособным человеком, какого мне когда-либо приходилось встречать.

Вспоминается еще один любопытный случай. Летом 1991 года я на два месяца прервал свой грант и возвратился в Москву. Но, как только я уехал, мелкая французская чиновница, функция которой заключалась в ежемесячной выплате стипендии, но которая, по прирожденной злобности, умудрялась превратить эту простую процедуру в кошмар для стипендиатов, позвонила в Дом наук о человеке и потребовала, чтобы мой грант аннули-

ровали, так как я-де уехал самовольно, без разрешения руководителя. Из Дома наук позвонили Деррида, который был моим научным руководителем, и тот сказал, что это он посоветовал мне прервать грант и возвратиться в Москву до сентября. Тамашнее начальство попросило его подтвердить это в письменном виде. Сам Деррида, полушутя, как о какой-то мелочи, рассказал мне много месяцев спустя (я об этом ничего не знал), как он провел несколько часов за написанием бумаги, после которой дело против меня было прекращено.

Этот жест как нельзя лучше показывает, каким замечательным другом был Деррида, его готовность помогать другому. Если бы разговор случайно не зашел об этом, я никогда не узнал бы, что знаменитый философ не пожалел своего времени, чтобы помочь мне.

Такие простые жесты действительно дорогого стоят: ими определяется качество человеческих отношений.

Да, Деррида не знал русского языка, а так как он работал только с текстами, которые мог прочесть в оригинале, то с текстами на русском языке он не работал. Но темы России, СССР и коммунизма сопровождали его всю жизнь. Его жена, Маргарита Деррида (урожденная Окутюрье), после войны жила в Москве, где ее отец был корреспондентом. Впоследствии он переводил Достоевского и других русских классиков. А ее брат является одним из известнейших французских славистов, специалистом по Пастернаку. Так что уже в ближайшем семейном окружении философа Россия играла немалую роль. И не только Россия, но неотделимый от нее в советский период коммунизм. В молодости от Деррида потребовалось незаурядное упорство, чтобы удержаться на необходимой дистанции от могучего коммунистического соблазна, не вовлекаться в него по-партийному прямо. А в зрелые годы он с неменьшим упорством встал на защиту исторического и культурного значения марксизма, ставшего к тому времени предметом поругания, в том числе со стороны тех, кто не так давно его догматически исповедовал. Именно потому, что Деррида в молодости избежал

прямой приверженности коммунизму, в зрелом возрасте, после того как марксизм вышел из моды (стал «призраком»), он смог в полной мере защитить историческую и культурную значимость этого явления.

Стараясь не поддаваться пафосу настоящего, он с уважением относился к тем патетическим устремлениям других, которые приобрели историческое значение. Не опьяняться настоящим, но воздавать должное истории, проявленной в текстах, которые он понимал предельно широко, – в этом Деррида, как мне показалось, видел дело философии.

Известие о смерти Жака Деррида застало меня на Франкфуртской книжной ярмарке. Я подошел к стенду журнала «Леттр Интернациональ», и его редактор, Дирк Хефер, указав пальцем на обложку последнего номера журнала, где было написано «Интервью с Жаком Деррида», сказал: «Только что мне позвонили из Парижа. Он умер». Еще несколько часов никто об этом не знал, и только к вечеру в Интернете появились первые, скудные сообщения.

Я знал, что Деррида последний год тяжело болел, что у него был рак поджелудочной железы, но не представлял себе, что смерть может наступить так быстро. Ведь он непрерывно работал, почти до самой смерти.

Деррида написал много текстов на смерть других людей, но написать достойный текст на смерть человека такого масштаба чрезвычайно трудно. Трудно даже просто окинуть взглядом сделанное им. Возможно, именем Деррида завершается древняя традиция философствования, идущая от Платона; возможно, его творчество подводит под ней черту. Смысл этого завершения, этого подведения черты улавливается пока интуитивно, но обречен, видимо, становиться все более явным.

Деррида был последним из известных мне философов, для кого смерть философии оставалась событием и в этом смысле была живой. В прошлом веке это событие начинает прерываться, давать сбой, исчерпываться; другими словами, оно начинает

пониматься буквально, переставая быть событием. Очень вероятно, что Деррида был последним свидетелем смерти философии как события. Его борьба с логоцентризмом – и тут не следует заблуждаться – была радикальной формой защиты философии.

Уже Жан Бодрийяр понял смерть философии буквально – как необходимость отказа от нее, выхода за ее пределы. Пафос этого выхода движет сейчас огромным большинством интеллектуалов. Деррида был последним, кто действительно любил философию, кого на самую безжалостную критику подвигала эта любовь. Не стоит упускать из виду эту сторону его работы; именно она придает цельность проекту деконструкции.

Впечатление, что со смертью Жака Деррида завершается целая эпоха мысли, посещает, думаю, не только меня. Великий проект философии предстает исчерпанным, даже в форме его радикальной критики, какой была деконструкция, и, возможно, прежде всего в этой форме.

Елена Петровская

*Слепая биография*¹

L'avenir et le futur. Все начинается с различия. Чтобы двигаться дальше, нужно постулировать несоответствие, несовпадение. Благо, это позволяет сделать язык. Le futur – простое будущее время, линейное и грамматическое, время, закономерно вытекающее из настоящего. Время предугадываемое, где нет и не может быть случайности. Будущее лишь доводит нечто до конца, оно заранее известно в настоящем. Но есть другое время – то, что на подходе, оно грядет, не извещая о себе заранее. Это и есть подход, приближение Другого. L'avenir – грядущее. В этом времени, можем мы добавить от себя, все и происходит.

Именно с таких (или похожих) рассуждений начинается документальный фильм о Жаке Деррида. О философе, исследовавшем среди прочего и фиктивные – фантазматические, литературные – условия любой документальности. О человеке, очень чутком к своему публичному образу и удерживающему этот последний под постоянным контролем. (В течение долгого периода Деррида, как известно, вообще воздерживался от съемок и не позволял печатать свои фотографии. Но с некото-

¹ Впервые напечатано в журнале «Искусство кино», 2003, № 5. Документальный фильм «Деррида» (режиссеры – Кирби Дик и Эйми Зириг Кофман) вышел на экраны США в 2002 году. – *Прим. ред.*